

Иван Лукаш

Путешествие в Петербург

Со старинной полки

Иван Лукаш

Путешествие в Петербург

«Public Domain»

1929

Лукаш И. С.

Путешествие в Петербург / И. С. Лукаш — «Public Domain»,
1929 — (Со старинной полки)

«...Но Петербург – магический жезл России – стал уже давно погасать в душах. Если еще билось московское сердце, то гений Петербурга мутнел. Вспомните хотя бы, что после Пушкина и Гоголя у нас почти не было ни одного певца Петербурга, а после Толстого наша литература стала как бы сползать с российских Петровых вершин в низины какой-то племенной, этнически-великорусской, «фольклорной» литературы с нескончаемыми мужиками и нескончаемыми деревнями. Петербург давно перестали видеть, любить и понимать...»

Иван Созонтович Лукаш

Путешествие в Петербург

Доводилось ли вам видеть пожелтевшие и пыльные связки эмигрантских журналов времен французской революции?

Если вы просматривали их, вас, вероятно, удивляло и огорчало полное непонимание тогдашними журналистами своей эпохи, скудель мысли, привычной к шаблонам, слепота духа и звонкая пустота слов.

Та эмиграция не «увидела» Наполеона, а, увидев, не поняла прекрасного величества его империи. И, пожалуй, лучше всей той эмиграции разумела французскую революцию наша умная Екатерина, которая еще в 1791 году с изумительной ясностью предсказала явление нового Цезаря: «Злодеи захватили власть и превратят скоро Францию в Галлию времен Цезаря. Когда же придет Цезарь? О, придет, не сомневайтесь, он появится».

Тогдашняя эмиграция неверно мыслила и поэтому неверно действовала. И потому не оправдала себя перед историей и будущим.

И для нас, российской эмиграции, страшнее и опаснее всех испытаний наши недомыслия или потерявшие смысл шаблоны, погасшие слова, которыми прикрываем иногда полное внутреннее опустошение, те казенные слова, которым говорящие часто не верят...

Я думал об этом, просматривая маленькую книгу удобно-карманного размера, какой умели придавать книгам в старину, редчайший и вряд ли многим известный экземпляр французского «Гида для путешественников в Санкт-Петербург», издание 1840 года петербургского книгопродавца Беллицарда, – прелестный томик, любезно переданный мне в Париже Е. М. Мухановой.

Рассматривая в лупу крошечные гравюры, которых я не встречал раньше: Казанский собор со стоянкой для карет на площади, деревянный Исаакиевский мост с будками-павильонами, топи на островах, гуляние на Адмиралтейском бульваре или Невский проспект у Публичной библиотеки, снова я чувствовал магическую власть гениального города, погружался в его волшебство и пробуждался внезапно, чтобы думать о том, что российская столица померкла трагически и образ Санкт-Петербурга погас.

Мы и не сознаем еще, может быть, всей глубины катастрофы...

Революция разгромила империю со всем ее духовно-творческим опытом. Два века изумительных побед и вместе зловещих ошибок, два века грандиозного творчества, создавшего Пушкина и Петербург, город-образ российского гения во всей его силе, красоте и напряженности, два патетических, творческих века российской нации сметены революцией. А новой нации – пусть бы родилась она хоть из самой революции, как нация Бонапарта! – что-то не видно на месте былой империи. Нации рождаются в победах, а революция длится ужасающим духовным и материальным поражением России. Органическое творчество ее народов подменено убийственным, механическим тараном революции. И не светит в нашем отечестве живой день: только все померкло – и Петр, и его Санкт-Петербург.

И, может быть, страшнее всего, что создание Петра погасло или почти погасло в душах всех нас, и там, в пространствах, которые назывались Россией, и здесь, у нас, пребывающих верными российской нации.

Москва и московский мир были всегда русским телом, живой основой и живым дном всего русского бытия. Москва, так сказать, горн России и ее материнское лоно, в которых выплавливались и рождались российские формы империи. Без Москвы не могло бы быть Петербурга. Гениальный разум, голова Петра на мощном московском теле – вот образ живой России, какой она шла из глубины веков. Гоголь как-то заметил, что «Москва – женского рода, а Петер-

бург – мужского». И действительно, только Петербург дал все мужественные, твердо очерченные формы всему московскому русскому бытию, преобразил его с изумительной силой.

Но Петербург – магический жезл России – стал уже давно погасать в душах. Если еще билось московское сердце, то гений Петербурга мутнел. Вспомните хотя бы, что после Пушкина и Гоголя у нас почти не было ни одного певца Петербурга, а после Толстого наша литература стала как бы сползать с российских Петровых вершин в низины какой-то племенной, этнически-великорусской, «фольклорной» литературы с нескончаемыми мужиками и нескончаемыми деревнями. Петербург давно перестали видеть, любить и понимать. Империю и Петербург, Петра и Пушкина заслонили «мужик» и «земля». И тогда-то уже на наших глазах померкшие, сумеречные души бывших россиян, со всей их провинциальной чеховщиной «лишних людей», снова потянуло «в Москву». Мы все, так сказать, стали терять голову... Божья гроза Петра, стремительный бег его гениальной империи тогда же стали сменяться глубокими и недвижно-тихими заводами Руси, плесенью ленивого и боязливого духа, и образ Петровой России стал подменяться слащаво-вымышленным образом «тишайшего Московского царствия», брадатой азиатчиной, «Россией для русских».

В варварской и претенциозной путанице провинциальных фанаберий, в крошке народов, которая может появиться на месте России, с бесконечными столкновениями и междоусобицами, в толпе новых галлов, на месте России, – не начнет ли кто-нибудь понимать, за какую чечевичную похлебку отдали все – одинаково и в Москве, и в Киеве – свое российское первородство? Но и тогда шовинистически-социалистическую полуинтеллигенцию всех народов и народцев будет отпугивать Россия с ее «царистским прошлым», но и тогда «щирий» украинец, великоросс-евразиец или грузин не захотят, вероятно, понять, что каждый в отдельности не только племя или народность, но и россиянин и что выше всех кровей – творящий дух великой нации. Дойдем ли мы все при новых органических, а не насильственных сочетаниях полной свободы культур и обычаев отдельных народов до нового общенационального сознания, до нового Общероссийского Отечества, или навсегда померкнет Россия ничтожной толпой ничтожных государств, даже не дойдя до их федерации?

Об этом приходится одинаково размышлять и великороссу, и грузину, и армянину, и всем бывшим россиянам. Вы помните слова Гоголя о Петровом огне, о «восторге пробуждения России», когда она «вдруг облеклась в государственное величие, заговорила громами и блеснула отблеском европейских наук» и когда «все в молодом государстве пришло в восторг, издавши крик изумленного дикаря при виде сокровищ...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.